

УДК: 93/94

DOI: 10.25629/НС.2023.05.11

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА МИТРОПОЛИТА АНТОНИЯ (ХРАПОВИЦКОГО)
В КОНЦЕ 1920-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ.
(ПО ГАЗЕТЕ «ЦАРСКИЙ ВЕСТНИК»)**

Подмолода К.С.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются политические взгляды митрополита Антония (Храповицкого) в эмиграции на материале его проповедей и статей в русской газете «Царский вестник», издававшейся в Белграде. Митрополит Антоний возглавлял Русскую православную церковь за границей в 1920-е – первой половине 1930-х гг. и всячески поддерживал «Царский вестник», который позиционировался как печатный орган русских монархистов. В статье разбираются взгляды митрополита Антония на историю России и на события из ее недавнего прошлого. Также анализируется его политическая программа, оформившаяся в эмигрантский период его жизни. Научная новизна статьи состоит в том, что данная проблема на указанной источниковой базе рассматривается впервые. Результаты, полученные автором, дополняют представления о монархическом движении в русской эмиграции, а также о взглядах ее отдельных фигур.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

митрополит Антоний (Храповицкий), Русская православная церковь за границей, русская эмиграция, газета «Царский вестник», Никон Рклицкий, самодержавие, православие, панславизм.

ВВЕДЕНИЕ

Русская эмиграция в 1920–1930-х гг. по своей политической ориентации была разделена на несколько групп. Больше всего было монархистов. К ним, по оценкам П.Б. Струве, относилось 85 процентов эмигрантов [1, с. 118]. Однако эта монархически ориентированная среда не была однородной. Она включала в себя сторонников как конституционной монархии, так и неограниченного самодержавия. К тому же монархисты еще разделялись на тех, кто ориентировался на вел. кн. Николая Николаевича, которого поддерживала вдовствующая императрица Мария Федоровна, и на приверженцев вел. кн. Кирилла Владимировича. Подавляющее большинство монархистов были «николаевичами». Вел. кн. Николай Николаевича поддерживали многие эмигрантские монархические периодические издания в Париже, Берлине и Белграде. Одним из них являлся «Царский вестник», выходивший с конца 1920-х и в 1930-е гг. в Белграде под редакцией Н.П. Рклицкого [1, с. 134], представлявшего свою газету как «орган народного движения за восстановление престола православного царя-самодержца».

Большую роль в формировании идеологии «Царского вестника» играла Русская православная церковь за границей (РПЦЗ). Православие в духовном смысле объединяло практически все русское зарубежье, поэтому опираться на авторитет церкви для редакции было совершенно естественно [2, с. 74]. К тому же Королевство сербов, хорватов и словенцев, где начал выходить «Царский вестник», стало центром эмиграции архиереев Русской церкви. Именно здесь, в Сремских Карловцах, в 1921 г. состоялся Первый Всеаглицкий церковный собор, известный также как Карловацкий собор, который положил начало существованию РПЦЗ [3, с. 108], которую возглавил митрополит Антоний (Храповицкий).

Для редактора-издателя газеты Никона Рклицкого митрополит Антоний стал идейным вдохновителем, наставником, а также в определенном смысле покровителем. Первый номер

«Царского вестника» открывался статьей архиерея под названием «Святительское благословение», где содержались пастырское приветствие редакции и пожелания успехов ее начинанию. Митрополит сравнивал монархическое движение в эмиграции с ополчением Минина и Пожарского, а себя уподоблял патриарху Гермогеном: «Посему, следуя примеру патриарха Гермогена, я обращаюсь к всему распыленному русскому народу с увещанием», – писал глава РПЦЗ [4, с. 1].

В свою очередь, «Царский вестник» во всех церковных конфликтах отстаивал позицию Антония. В газете заявлялось, что именно он выражает позицию канонически истинную, а все те, кто в различных вопросах, в том числе и политических, не соглашается с мнением митрополита, являются обновленцами и еретиками [5, с. 1; 6, с. 2; 7, с. 2].

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО РОССИИ ПОСЛЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Преимущественную часть публикаций «Царского вестника» составляли статьи, в которых излагалась программа будущего возрождения России – какой она виделась редакции и самому Рклицкому. Митрополит Антоний был одним из основных авторов таких публикаций в «Царском вестнике».

Первоочередной задачей в деле возрождения России архиерей считал свержение советской власти вооруженным путем. Он сравнивал чаемое общенациональное восстание против большевиков с крестовыми походами и с движением в США против рабства. При этом глава РПЦЗ считал вполне допустимой иностранную помощь в таком предприятии. В одной из публикаций он даже недоумевал, почему европейские державы не включаются в активную борьбу против большевиков. Советское руководство митрополит сравнивал с властью фараона над израильянами, как это описано в книге «Исход», а его политику в отношении церкви – с гонениями языческих римских императоров против христиан: «...гонение на веру Христову разрослось до пределов, во много раз превышающих гонения Диоклетиана и Нерона», – утверждал он [8, с. 1].

Для митрополита Антония вопрос о необходимости возрождения самодержавия был не только политическим, но и религиозным. Он считал самодержавие единственной силой, способной противостоять нигилизму [9, с. 1]. Епископов, которые в 1921 г., при создании РПЦЗ, утверждали, что молиться за восстановление дома Романовых на российском престоле – это решение чисто политическое, митрополит Антоний сравнивал с Авессаломом (сыном царя Давида, который поднял восстание против своего отца) [10, с. 2]. Сам же глава РПЦЗ опирался на авторитет других православных иерархов, уже умерших к тому времени, – митрополита Филарета, архиепископов Амвросия и Никанора. «Они раскрывали тесную связь монархии с процветанием благочестия на Руси, – писал митрополит Антоний, – поясняя <...> слова апостолов Петра и Павла о Божественном устройении царской власти». Со ссылкой на тех же архиереев митрополит подчеркивал, что «преданность отечеству русского и других многочисленных племен, населяющих Россию, поддерживается главным образом идеализацией царя в народном сердце» [11, с. 2].

Как и «Царский вестник», митрополит Антоний считал единственным законным кандидатом на российский престол вел. кн. Николая Николаевича. На архиерейском соборе РПЦЗ в 1924 г. он открыто не признал «манифест» вел. кн. Кирилла Владимировича, в котором тот объявлял себя императором [3, с. 112]. Однако после смерти вел. кн. Николая Николаевича в начале 1929 г. митрополит Антоний в «Открытом письме генералу П.Н. Краснову» высказался в поддержку вел. кн. Кирилла Владимировича, защищая его от критики, в частности, со стороны вел. кн. Петра Николаевича [12, с. 2]. То есть глава РПЦЗ рассматривал представителей династии Романовых как единственную политическую силу, способную сплотить вокруг себя русских монархистов. После смерти Марии Федоровны он заявил, что эмиграция лишилась своего фундамента, народ осиротел, и отождествил русское зарубежье с Макковьями, которые, лишившись своих предводителей, продолжали войну против поработителей [13, с. 1; 14, с. 1].

Из всех императоров династии Романовых митрополит Антоний особо выделял Николая II. Фигура последнего царя являлась очень значимой для русских монархистов, уже тогда складывался культ его почитания, несмотря на то что до официальной канонизации монарха было

еще далеко. Архиерей возглавил Общество памяти императора Николая II, созданное в 1928 г. [15, с. 3]. Вместе с тем особое восприятие главой РПЦЗ последнего императора было вызвано исключительно его статусом венчанного на царство и мученической кончиной. Оценки непосредственно самой жизни императора были гораздо более сдержанными. Так, например, в «Открытом письме генералу П.Н. Краснову» митрополит Антоний писал, что в юности Николай II был «не без греха» [12, с. 3]. Более того, несмотря на безусловную поддержку идеи восстановления династии Романовых на российском престоле, архиерей подвергал достаточно жесткой критике внутреннюю политику ее представителей за последние два столетия, особенно упреждение патриаршества Петром I и положение церкви в синодальный период [16, с. 2]. Существенным изъяном в положении дореволюционного духовенства он считал его сословную замкнутость и называл порядок, при котором клириками могли становиться только дети из семей священников, «сословным шовинизмом» [17, с. 2].

СООТНОШЕНИЕ СВЕТСКОЙ И ЦЕРКОВНОЙ ВЛАСТЕЙ

Особое внимание митрополит Антоний уделял в своих публикациях вопросу взаимоотношений между церковью и светской властью в будущей возрожденной монархической России. Он считал, что патриарх должен назначаться совместно императором и архиерейским собором. Предстоятелю Русской церкви следует вручать орден Андрея Первозванного. Также патриарху необходимо иметь непосредственную связь с императором по церковным делам. Главе церкви надлежит иметь право обжаловать приговор в отношении «всех опальных, заключенных и невинно страждущих». Митрополит Антоний предлагал создать особый институт – Референдарий, – который избирался бы патриархом и утверждался бы императором. По его мысли, через Референдарий патриарх будет контактировать с представителями «высших государственных установлений».

Глава РПЦЗ считал, что император должен связываться с патриархом через своего личного и несменяемого представителя и сообщать патриарху о производимой смене правительственных кабинетов. Митрополит Антоний предлагал определенную формулу обращений императора к патриарху и патриарха к императору. За такой тесной взаимосвязью светского и духовного правителей все же не проглядывало их вмешательства в дела друг друга, дела государственные и церковные строго разграничивались. Например, архиерей предлагал императору обращаться к патриарху по делам церковным «сыновне прошу», а по делам государственным – «повелеваю». Патриарх в рисуемой митрополитом Антонием будущей России имеет право доступа к государственным делам, но в подчиненном – или, точнее, полуподчиненном – качестве. В данном вопросе он ссылался на правила Карфагенского собора, в которых говорилось, что все епископы, включая патриарха, не могут умалять чести императора и поэтому являются его поданными.

Что касается положения других религий в будущей России, то глава РПЦЗ допускал относительную свободу вероисповедания, но с оговорками. Безусловно, православие объявлялось господствующей религией, а российский император – защитником всех православных христиан в мире, однако его подданные из других религиозных конфессий имели право отправлять свои обряды и проповедовать в специально предназначенных для этого местах. Предполагалось, что перечень допустимых и узаконенных на территории Российской империи религий должен быть представлен в особом документе. Но для неправославных подданных все же предусматривалось некоторое поражение в правах. Конкретизацию этих правовых ущемлений, как и составление перечня легальных конфессий кроме православия, митрополит Антоний оставлял на будущее, однако кое-что обозначал уже сразу. Например, недопустимость заключения браков инославных с православными, запрет инославным на военную и гражданскую службы, а также на судебную и педагогическую деятельность [18, с. 2–3]. В данном случае архиерей просто следовал собственным принципам, обозначенным им еще до эмиграции: так, в своей епархии он препятствовал заключению браков между православными и инославными, несмотря на выговоры, получаемые им за это из Синода [19, с. 2].

ОБРАЗЫ БУДУЩЕЙ РОССИИ

Политическим идеалом митрополита Антония являлось допетровское Московское царство, которое в его представлениях символизировало Новый Израиль. По мнению главы РПЦЗ, реформы Петра I исказили идею «православного самодержавия», архиерей сравнивал их с предательством евреями Единого Бога. Пушкина, Гоголя и Достоевского митрополит Антоний отождествлялись с ветхозаветными пророками, которые призывали вернуться к традициям [20, с. 3; 21, с. 2]. Из них он особенно выделял Достоевского. В статье, приуроченной к пятидесятилетию со дня кончины Федора Михайловича, архиерей уподоблял Достоевского Моисею, который так же, как и писатель, оставил пророческое завещание своему народу [22, с. 3].

Глава РПЦЗ считал XVII в. высшей точкой развития русской культуры и русского искусства. Особого совершенства, по его словам, в это время достигло «храмовое благолепие», то есть не просто храмовые сооружения, их экстерьеры и интерьеры, но совокупность всех элементов богослужебной практики. Митрополит Антоний утверждал, что русский народ чтит древние – допетровские – предметы церковного обихода. Он считал, что архитектура, расположение росписей в соборах, а также иконостасы XVIII и тем более XIX вв. сильно проигрывали своим аналогам более раннего времени [23, с. 2–3].

Архиерей был убежден в том, что именно петровские реформы привели Россию к Октябрьской революции: «При всем нежелании набрасывать тень на наше русское самодержавие мы в данном случае чувствуем себя принужденными совершить нечто подобное во имя православной веры и Православной церкви, которую император Петр I старался поработить себе самому и вообще царской власти, откуда и произошли все беды нашего большевизма», – подчеркивал он [24, с. 3].

Один из основных аргументов митрополита Антония против реформ Петра I заключался в том, что Россия, по его стойкому убеждению, принципиально отличается от Европы. При этом глава РПЦЗ принципиально выступал против западного влияния. Он называл европейские порядки «казарменными» и считал, что в отличие от них русские обычаи опираются на нравственность, а не на «формальное узаконение». Писатели Некрасов, Тургенев и Герцен, по словам архиерея, не были пророками, как Пушкин, Гоголь и Достоевский, но они все равно любили Россию. Другое дело, что их ошибка заключалась в том, что они «скользили по поверхности» своей души.

Приверженность митрополита Антония идеалам и образам допетровской России во многом сформировалась в его юношеские годы, когда он, живя в Великом Новгороде, много путешествовал по древним монастырям Русского Северо-Запада. Сильное впечатление на него производили церковные иконостасы храмов, построенных в эпоху Московского царства. В то же время глава РПЦЗ отмечал, что в церквях и соборах Петербурга перегородка между алтарем и храмом возводилась по примеру католических костелов, где образами заполнена лишь центральная часть. Данное обстоятельство еще с юношеских лет производило на будущего митрополита удручающее впечатление [25, с. 2].

Разумеется, архиерей как сторонник самодержавия напрочь отвергал конституционную перспективу для России. В статье «Когда все это кончится?» митрополит Антоний ставит конституцию в один ряд с проституцией [16, с. 1].

НАЦИОНАЛЬНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИИ

Глава РПЦЗ много размышлял о национально-территориальном вопросе в контексте будущей России. Несмотря на то, что официально «Царский вестник» утверждал, что будущее российское правительство не будет требовать пересмотра границ, утрата некоторых территорий бывшей Российской империи воспринималась русскими монархистами болезненно: «Мы уже прозевали западные окраины, где народная стихия преклонилась в значительной степени к другой – нерусской и неправославной – культуре и движется в ту сторону, увлекаемая течением новой жизни», – с горечью писал митрополит Антоний в «Царском вестнике». Он также с тревогой отмечал, что в Советском Союзе проживает много народов и нельзя исключать того, что во время будущих социальных потрясений они пожелают выделиться из состава России

[26, с. 1]. Противостоять этому архиерей предлагал мягкой естественной русификацией. В качестве примера глава РПЦЗ приводил опыт проникновения русской культуры и русских обычаев в жизнь народов Карелии и Сибири: «Мы должны заявить, что при теперешнем смягчении нравов пред взором всякого русского народолюбца открывается светлая перспектива племенного и религиозного сближения между различными народностями и вероисповеданиями». Однако русификация для митрополита Антония не означала полной ассимиляции. Народы должны были сохранить свои «этнографические особенности». Здесь он также противопоставлял политике Российской империи действиям других великих держав: «...русский народ является лучшим колонизатором где угодно, а восточные народы ни к одной европейской нации не расположены в такой степени, как к русской, чуя в ней сочувственное сердце, отсутствие гордыни и доверчивость». Важным фактором интеграции народов России архиерей считал развитие промышленности в отдаленных от центра регионах и строительство культурных учреждений. Но на первое место он всегда ставил именно усиление церковного влияния [27, с. 3].

Под русским народом как таковым митрополит Антоний понимал прежде всего, если не исключительно, именно крестьянство. По его убеждению, крестьянству была присуща стойкая монархическая ориентация, и этим оно отличалось от дворянства и интеллигенции, которые, по мнению главы РПЦЗ, и являются основной средой, в которой расцветают революционные и террористические идеи [4, с. 1]. Либералы и революционные радикалы рассматривались им как производные от интеллигенции, а ярким литературным стереотипным образом интеллигента он считал Базарова. По мысли архиерея, современное поколение интеллигенции нравственно деградировало по сравнению с предыдущим поколением. Однако оба поколения объединяет «враждебное отношение к религии и своему отечеству». Правда, «поколение отцов революции в большинстве своем не мечтало о собственном благополучии, власти и богатстве в будущем революционизированном государстве» [16, с. 1].

Причину подобных убеждений у интеллигенции митрополит Антоний усматривал в том разломе, который произошел в результате петровских реформ, когда общество оторвалось от народа. «Наша Родина есть воплощающееся в народном характере и народном быте Евангелие», – в этом глава РПЦЗ видел основное отличие русского народа от прочих народов и считал, что такая специфика русского народа объясняется тем, что в формировании его национального самосознания ключевую роль сыграла церковь и русский народ благодаря «святителям столяного града» не был разделен до образования единого государства [28, с. 1].

В области просвещения митрополит Антоний выступал за сближение светских и богословских наук. Он сетовал, что ученые в последнее время негативно относятся к теологическим дисциплинам и часто необоснованно их критикуют. Подобную ситуацию он объяснял неграмотностью деятелей науки в вопросах философии, из-за чего господствующим направлением европейской мысли с середины XIX в. является позитивизм, то есть по сути тот же материализм, только в другом варианте. Архиерей приветствовал открытие в Харбине русского Богословского института святого Владимира, поскольку в нем предполагалось тесное сотрудничество духовного и светского образования [29, с. 1–2].

РОССИЯ В МИРЕ

Митрополит Антоний не высказывал конкретных предложений по поводу внешней политики будущей России. По этому поводу в «Царском вестнике» он опубликовал лишь небольшую заметку о необходимости дружбы с немцами. Но после прихода к власти в Германии Гитлера позиция главы РПЦЗ, скорее всего, изменилась. Об этом можно судить именно лишь предположительно – с опорой на косвенное свидетельство Никона Рклицкого, что архиерей критически относился к этническому национализму: «...с чьей-то легкой руки выдвинулся принцип национализма, нисколько не стеснявшийся (лице, например, Меньшикова) прибавлять к своему девизу слово “зоологический” или “животный” (патриотизм)», – говорил митрополит Антоний. Так же негативно он оценивал умозаключения некоторых европейских философов, которые впоследствии стали опорой национал-социалистической идеологии, считая, что они угрожают принципам христианского вероучения: «Думаю, что не одно невежество в священной истории и Священном Писании является причиной нелепого утверждения, будто

Спаситель не был евреем по человеческому происхождению <...> и прежние отрицатели еврейского происхождения Господа Иисуса Христа (Драгомиров, Меньшиков, Чемберлен) имели тайной целью отрицать и вообще еврейские повествования, отрицать Божество Христово и под видом антисемитизма проповедуют на самом деле атеизм» [30, с. 85].

Единственное, что можно с определенностью сказать о внешнеполитических взглядах митрополита Антония, так это то, что он испытывал явные симпатии к панславизму. Архиерей сам отмечал, что еще в юношестве увлекался трудами славянофилов [23, с. 3]. Правда, и в этом вопросе нельзя однозначно определить, как он представлял себе славянское единство – в виде того или иного союза (экономического или военно-политического) или как некую федерацию народов. Ясно лишь то, что сама по себе идея объединения славянских государств ему импортировала. Глава РПЦ определенно противопоставлял их западноевропейским державам. Митрополит Антоний отмечал, что славянское объединение «выражается в общей у всех славян неудовлетворенности теми юридическими нормами жизни, теми чисто экономическими интересами, которыми целиком исчерпывается западная общественность» [30, с. 1].

При этом основой, на которой должно базироваться содружество славянских государств, ему виделось вовсе не православное вероисповедание, поскольку среди славян были и католические народы. «Кто были самые типичные славянофилы или панслависты? Одни и те же люди, лучшие люди России и других славянских стран – Хомяков, Самарин, Киреевский, Гильфердинг, Аксаковы, Достоевский; это русские, а других мы называть не будем, хотя знаем немало славянофилов, не только православных, но и католиков», – писал митрополит Антоний. Суть славянофильства, с его точки зрения, заключалась не в идее объединения всех славян, а в христианском, «частично православном идеализме», в свойственном этим народам «стремлении созидать общественную жизнь и объединение славян на началах религиозных». Многовековую конфронтацию России и Польши, по мнению архиерея, вполне возможно преодолеть, поскольку то общее, что есть между всеми славянскими народами, должно нивелировать исторические разногласия между ними.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, по своим политическим взглядам, отразившимся в «Царском вестнике», митрополит Антоний в период своего пребывания главой РПЦ исповедовал эклектичные взгляды, которые представляли собой симбиоз самодержавного монархизма и различных идей преимущественно консервативной или умеренно-консервативной направленности, бытовавших в общественном сознании дореволюционной России и перенесенных их адептами в эмиграцию. Поскольку «Царский вестник» на протяжении нескольких лет являлся трибуной архиерея, из этого можно заключить, что и мировоззренческие установки этого издания также были в определенной степени эклектичными, несмотря на декларировавшуюся им приверженность идеалам самодержавия и сопутствовавшим подобной ориентации взглядам. Такая эклектичность явилась закономерным следствием замкнутого существования русских эмигрантских общин в межвоенной Европе.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988). 2-е изд., испр. и доп. СПб.: СПбГУКИ, 2008. 467 с.
2. Шкаровский М.В. Возникновение Русской православной церкви за границей и религиозная жизнь российских эмигрантов в Югославии // Христианское чтение. 2012. № 4. С. 106–193.
3. Митрополит Антоний (Храповицкий). Святительское благословение // Царский вестник. 1928. № 1. С. 1.
4. Собор русских архиереев // Царский вестник. 1931. № 165. С. 1.
5. Собор русских архиереев // Царский вестник. 1931. № 166. С. 2.
6. Укрепление православия в Америке // Царский вестник. 1929. № 27. С. 2.
7. Митрополит Антоний (Храповицкий). Сто первое и предпоследнее воззвание // Царский вестник. 1931. № 166. С. 1.

8. Митрополит Антоний (Храповицкий). Благочестие и самодержавие // Царский вестник. 1929. № 48. С. 1.
9. Митрополит Антоний (Храповицкий). Когда все это кончится? // Царский вестник. 1928. № 6. С. 2–3.
10. Митрополит Антоний (Храповицкий). Церковь или политика? // Царский вестник. 1928. № 9. С. 2–3.
11. Митрополит Антоний (Храповицкий). Открытое письмо генералу П.Н. Краснову // Царский вестник. 1929. № 32. С. 2–3.
12. После разрешительной молитвы // Царский вестник. 1928. № 11. С. 1.
13. Вечерняя звезда // Царский вестник. 1928. № 10. С. 1–2.
14. В Обществе памяти государя императора Николая II // Царский вестник. 1928. № 2. С. 3.
15. Митрополит Антоний (Храповицкий). Когда все это кончится? // Царский вестник. 1928. № 5. С. 1.
16. Митрополит Антоний (Храповицкий). Мои воспоминания // Царский вестник. 1935. № 457. С. 2–3.
17. Митрополит Антоний (Храповицкий). Самодержавие и церковь // Царский вестник. 1928. № 3. С. 2–3.
18. Митрополит Антоний (Храповицкий). Мои воспоминания // Царский вестник. 1935. № 455. С. 2–3.
19. А.С. Пушкин в новом понимании // Царский вестник. 1929. № 44. С. 2–3.
20. Митрополит Антоний (Храповицкий). Пушкин как нравственная личность и православный христианин // Царский вестник. 1929. № 45. С. 2–3.
21. Митрополит Антоний (Храповицкий). К пятидесятилетию со дня кончины Ф.М. Достоевского // Царский вестник. 1931. № 131. С. 3.
22. Митрополит Антоний (Храповицкий). Возрождение церковного искусства // Царский вестник. 1935. № 439. С. 2–3.
23. Митрополит Антоний (Храповицкий). Мои воспоминания // Царский вестник. 1935. № 452. С. 3.
24. Митрополит Антоний (Храповицкий). Мои воспоминания // Царский вестник. 1935. № 451. С. 2–3.
25. Митрополит Антоний (Храповицкий). Русский народ // Царский вестник. 1935. № 465. С. 1.
26. Митрополит Антоний (Храповицкий). Русский народ и Дальний Восток // Царский вестник. 1931. № 260. С. 3.
27. Митрополит Антоний (Храповицкий). Что значит любить Россию? // Царский вестник. 1935. № 444. С. 1.
28. Митрополит Антоний (Храповицкий). Послание // Царский вестник. 1935. № 432. С. 1–2.
29. Рклицкий Н.П. Митрополит Антоний и его время, 1863–1936. Нижний Новгород: Нижполиграф, 2003. 774 с.
30. Митрополит Антоний (Храповицкий). Что такое русское славянофильство или панславизм? // Царский вестник. 1929. № 40. С. 1–2.

**THE POLITICAL PROGRAM OF METROPOLITAN ANTHONY (KHRAPOVITSKY)
IN THE END OF THE 1920S - THE FIRST HALF OF THE 1930S
(ACCORDING TO THE NEWSPAPER “TSARSKY VESTNIK”)**

Podmoloda K.S.

Lomonosov Moscow State University

ABSTRACT

The article deals with the political views of Metropolitan Anthony (Khrapovitsky) in exile based on the material of his sermons and articles in the Russian newspaper *Tsarskiy Vestnik*, published in Belgrade. Metropolitan Anthony headed the Russian Orthodox Church Outside of Russia in the 1920s and the first half of the 1930s. and in every possible way supported the “*Tsar's Messenger*”, which was positioned as a print organ of Russian monarchists. The article deals with the views of Metropolitan Anthony on the history of Russia and on events from its recent past. His political program, which took shape during the emigrant period of his life, is also analyzed. The scientific novelty of the article lies in the fact that this problem is considered for the first time on the indicated source base. The results obtained by the author complement the ideas about the monarchist movement in the Russian emigration, as well as the views of its individual figures.

KEYWORDS

Metropolitan Anthony (Khrapovitsky), Russian Orthodox Church Outside of Russia, Russian emigration, *Tsarskiy Vestnik* newspaper, Nikon Rklitsky, autocracy, Orthodoxy, pan-Slavism.